

Ю.Е. Комлева

Уральский государственный университет

Университетское образование и образ ученого в Германии XVIII в.

Ход истории наглядно демонстрирует примеры того, какую важную роль университетское образование играло в процессах, определяющих основные параметры общества. Начиная с XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня университеты выполняли функцию регуляторов формирования, изменения и поддержания социальных структур. Помимо задач трансляции умений и навыков от поколения к поколению, развития научного знания, университеты поставляли обществу элиту и профессионалов определенного уровня, без участия которых не может функционировать политика, национальная экономика, культура. Наконец, начиная с XVIII в. университеты в значительной степени способствовали размыванию социальных барьеров. Получение университетского образования обычно выступало предпосылкой повышения социального статуса, перемещения по вертикали из одного социального слоя в другой, к чему и призывают документы Болонского процесса в наши дни.

Однако в ходе развития от школы до научно-исследовательского института практически истаяло представление об университете как месте для развития ума и интеллектуальных упражнений, отсутствие бескорыстного интеллектуального любопытства отрицательно сказалось на свободном научном поиске, на тех исследованиях, которые не могут иметь запланированных результатов.

Сегодня многие общественные и политические деятели говорят о существующей опасной тенденции утилитаризма широкого общего образования и распаде академического сообщества на две враждебные друг другу группы ученых-гуманитариев и интеллектуалов. В результате образуется особая научная прослойка ученых, состоящая в основном из университетских преподавателей, которые в сотнях научных журналов и монографий пишут на своем «птичьем» языке загадочные статьи исключительно для внутреннего потребления, совершенно недоступные для непосвященных¹. Однако широкое гуманитарное образование по-прежнему остается одной из задач университета, и поэтому еще острее встает потребность в ученых-интеллектуалах, таких же творческих, живых и талантливых, как и интеллектуалы, занимающиеся литературой, искусством, журналистикой вне стен университета.

Современная ситуация во многом схожа с той, которая сложилась в Германии в XVIII в. — в эпоху появления и утверждения новой модели западно-европейских университетов,

Юлия Евгеньевна Комлева, канд. ист. наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории УрГУ.

¹ Десять гуманитариев в поисках университета. Круглый стол по проблемам гуманитарного образования в России // *Неприкосновенный запас*, 1998, №2. С. 16–28; Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии профессионализма к либеральному образованию // *Неприкосновенный запас*, 2000, 1 (9). С. 68–72; Гудков Л. Образованные сообщества в России: социологические подступы к теме // *Неприкосновенный запас*, 1999, №1 (3). С. 23–31; Корнев С. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры // *Неприкосновенный запас*, 1998, № 1. С. 18–21; Радаев В. Трудно ли быть исследователем в современной России? // *Неприкосновенный запас*, 2000, №1 (9). С. 73–79.

основанной на принципе единства научного исследования и преподавания внутри самоуправляющегося университета.

В течение первой половины XVIII в. образованные люди в Европе и Германии, в частности, составляли своеобразное сословие, отдельную социальную группу, чаще всего от рождения обособленную от других и определяемую не столько деятельностью ее членов, сколько их культурными и образовательными достижениями, а также образом жизни. Интеллектуальное и социальное самоопределение этого сословия базировалось на ценностях гуманистической учености и на прививавшей эти ценности системе образования. Чтобы стать членом ученого сословия, необходимо было владеть особым стилем, для которого характерно изящное владение латынью, как устной, так и письменной, погружение в мир латинских классиков, огромная эрудиция и обширная литературная деятельность, демонстрировавшая эту эрудицию. Стиль этот на практике прививался на гуманитарных факультетах университетов и в латинских школах². Однако последние вряд ли можно было назвать центром науки и научного прогресса; преподавателям в их стенах не надо было непрерывно подтверждать свой научный статус, а достаточно лишь было знать и грамотно объяснить несколько классических текстов³.

Из ученого сословия набирались преподаватели для самых преуспевающих городских латинских школ, его члены занимали профессорские кафедры, а нередко и высшие должности среди государственных чиновников, получали наиболее богатые церковные приходы в протестантской Германии, а также осуществляли врачебную деятельность в зажиточных городских кругах и среди придворных.

Идеал образованности в Германии начала XVIII в. неизменно сводился к «учености» и связывался с фигурой ученого мужа — *Gelehrter*, как правило, преподавателя университета, владеющего стилем и хорошим знанием литературы⁴. Под влиянием этого идеала германские ученые создавали труды энциклопедического масштаба, отличавшиеся барочной любовью к деталям и удовольствием от демонстрации собственной эрудиции, а с начала XVIII в. нацеленными на систематизацию и полноту освещения деталей. Несмотря на то, что среди научных трудов встречались работы узкоспециализированного характера, в целом немецкая наука еще не поддалась дисциплинарной раздробленности. Любой научный труд был в принципе рассчитан на восприятие ученого сословия в целом, а потому их авторы придерживались критериев и ценностей, разделявшихся всеми представителями этой общественной группы.

Единый интеллектуальный стиль ученого сословия основывался не на компетентности в какой-либо области, а на эрудиции и красноречии. Основной целью образовательной системы было обучение Цицероновскому слогу и развитие ораторского мастерства, тогда как изучение самой истории и литературы Древнего Рима оставалось на втором плане. Университетские факультеты богословия, права и медицины давали довольно ограниченное количество профессиональных знаний, в основном делая это с помощью общих лекций, которые неизменно читались на латыни. Характерной чертой университетской жизни вплоть до конца XVIII в. были научные диспуты на латинском языке, причем форма выступления имела столь же важное значение, как и содержание. Экзамены на всех ступенях были устными и направленными на проверку скорее эрудированности и беглости речи, чем наличия профессиональных знаний в современном смысле слова. Достаточно распространенной была практика, когда выпускники за плату нанимали профессоров, чтобы те писали за них диссертации, поскольку, согласно критериям того времени, претендент на ученую степень оценивался не по проделанной им исследовательской работе и не по тому, как написана диссертация, а исключительно на основании самого факта ее защиты⁵.

² Trunz E. Der deutsche Späthumanismus um 1600 als Standeskultur. // Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. Bd. 21. 1931. S. 17–53.

³ Алисон Г. Патент на любопытство (мифология западной университетской жизни). // Русский журнал. // <http://old.russ.ru/edu/99-05-11/alison.htm>.

⁴ Turner R.S. Historicism, Kritik, and the Prussian Professoriate, 1790 to 1840 // *Philologie und Hermeneutik im 19. Jahrhundert*. Bd. 2. Göttingen, 1983. S. 453.

⁵ Idem.

Однако в ходе XVIII в. общественное развитие почти во всех европейских странах в значительной мере стало диктоваться идеями Просвещения, сформировавшими новый набор требований, и, не в последнюю очередь, в области университетского образования⁶. Принцип просвещения человеческой расы и стремление всесторонне улучшить жизнь человека предполагали культивацию разума и практические наставления, что выразилось в явном акценте на образовании и привитии практических навыков и поставило образовательные заведения в центр внимания интеллектуальной прослойки общества⁷. Степень проникновения сформированного Просвещением образа мысли и действия в школы и высшие учебные заведения значительно различалась в зависимости от земли и ее традиций, но, тем не менее, и в католических и в протестантских регионах империи совершенно отчетливо прослеживается процесс реализации просветительских идеалов. Их определяющей чертой во второй половине XVIII в. была уверенность в пользе просвещения, надежда на то, что в будущем будет преодолено господство невежества, вслед за чем следовала критика многих существующих устоев. С этой точки зрения все, что могло быть полезно в практических делах, предпочиталось теории. От университетов и подобных им заведений ожидали, что в них будут преподавать не метафизику или богословие, а такие дисциплины, как экономика, технология, медицина, естественные науки, т.е. учить «не слову, но делу, реалиям»⁸. Во многих университетах впервые в круг преподаваемых дисциплин были включены такие, как медицина, различные естественные науки, камералистика, этика и естественное право. Теология потеряла свои лидирующие позиции в университетах и перестала считаться главной наукой. Недоказуемые убеждения и некритические ссылки на авторитет повсеместно утрачивали силу; студентов все больше учили думать самостоятельно⁹.

В ряде европейских стран, особенно во Франции, Италии и на всем Иберийском полуострове, сторонники идей Просвещения считали, что традиционные «схоластические» университеты не в силах служить новым задачам, и выход видели в создании заведений совершенно иного типа — специальных институтов подготовки в области медицины, сельскохозяйственной технологии, военной тактики и стратегии, инженерного дела, камералистики, искусств и естественных наук. Основание многочисленных специальных академий и школ такого рода в XVIII в. свидетельствует о том, как мало интеллектуалы того времени полагались на университетское образование. Учебные заведения нового типа по-разному назывались и специализировались в разных сферах деятельности, но все они считали себя ответственными за распространение идей Просвещения и преподавание технологических и практических наук. В большинстве случаев их возглавляли люди, никак не связанные с университетами, они поддерживали между собой контакты и дублировали деятельность основных научных учреждений, в состав которых могли входить исключительно университетские ученые. Надежды интеллектуальной прослойки общества и друзей Просвещения возлагались на эти академии, технические колледжи, общества и ассоциации; таким образом, последние стали представлять угрозу для застывших в своем развитии университетов¹⁰.

Неуклонный упадок западноевропейских университетов, начиная с XVII в., привел общественность к убеждению, что подлинная наука и подлинно высшее образование давались только в стенах специализированных учебных заведений, основанных на принципе профессиональной подготовки. Однако если в Западной Европе в XVII–XVIII вв. группы интеллектуалов, которые либо сами не учились в университетах, либо противились университетскому образованию, бросали вызов этой культуре, то в Германии такой вызов брошен не был. Здесь интеллектуальная деятельность, за немногими исключениями, оставалась связанной со школами и университетами, с традициями, которые ими поддерживались, с положением в обще-

⁶ Cassier E. *Die Philosophie der Aufklärung*. Tübingen, 1932; Gay P. *The Enlightenment*. L., 1973.

⁷ Hammersstein N. *Epilogue: The Enlightenment. // A History of the University in Europe*. Vol. II. Cambridge, 1996. P. 621.

⁸ *Ibid*, p. 624.

⁹ Brockliss L. *Gown and town: the university and the city in Europe, 1200–2000 // Minerva*. L., 2000. Vol. 38, 1 2. P. 147–170.

¹⁰ Voss J. *Die Akademien als Organisationsträger der Wissenschaften im 18. Jahrhundert // Historische Zeitschrift*. 1980, № 231. S. 43–47.

стве, которое эти учреждения давали. Причина того, что университеты Священной Римской империи германской нации сохранили за собой центральное положение в интеллектуальной жизни общества, кроется в том, что они оказались способными к модификации, признали новые виды знания и новые задачи¹¹. С самого начала XVIII в. предпринимались достаточно успешные попытки реформ в области высшего образования в соответствии с идеями и принципами Просвещения, в связи с чем прежде всего необходимо упомянуть Кристиана Томазия и университет Галле¹².

Начавшееся реформаторское движение затем распространилось на другие университеты. Характерной чертой реформ в области высшего образования было то, что их проведение началось в протестантских областях Священной Римской империи. Реформы зачастую являлись продуктом сотрудничества профессоров с княжескими советниками, которые сами получили образование в университетах. Таким образом, эти реформы инициировались в большой степени узким кругом лиц. В католических учебных заведениях подобные реформы проводились по настоянию отдельных профессоров, но большей частью по инициативе территориальных правительств, княжеских советников и самих князей, и поэтому были нацелены в основном на интересы государства, а не церкви. Университет Геттингена, основанный в 1737 г., оказал значительное влияние даже на позицию католической церкви в отношении наук Просвещения, в результате чего стали проводиться открытые интеллектуальные дискуссии по проблеме отношения к развитию нового научного знания, стоявшей со времен роспуска иезуитского ордена. Впервые со времен Реформации в Германии ученые, интеллектуалы и люди, получившие академическое образование, могли говорить друг с другом на одном языке. Как только это стало возможным, существовавшее разделение церковью утратило свое прежде важное значение¹³.

Вне зависимости от того, кто выступил инициатором перемен — сами университеты, при сотрудничестве ли с правительствами, либо распоряжение о проведении университетских реформ было отдано князьями или их министрами — результатом стала замена теологии как ведущей дисциплины юриспруденцией; университеты стали более «светскими», а ученые и преподаватели более восприимчивыми к дисциплинам современного типа. Таким образом, можно говорить о радикальных переменах в ученом мире и внутри университетов¹⁴.

Именно в XVIII в. в Германии — сначала в Галле, затем в Геттингене и Берлине — зарождается новый тип университета, распространившийся в XIX–XX вв. по всей Западной Европе и США. В университетах нового типа удобно сочетались преподавание и научная деятельность, их уникальность заключалась именно в сочетании поиска идей и науки¹⁵. Изменились также статус, авторитетность и положение преподаваемых дисциплин. Успех программы Просвещения привел, прежде всего, к снижению позиций, занимаемых теологией. Главенство и высокий статус теологического факультета, где профессорам платили самую высокую заработную плату, перешли к факультету права. Вводный курс к последнему обеспечивал филологический факультет, освободившийся от роли «прислужника» богословия¹⁶. Начиная с середины XVIII в. пытается добиться независимости философский факультет, и даже претендует на то, чтобы быть главным, центральным факультетом. Уже к концу XVIII в. в германских университетах за рядом философских дисциплин был признан статус, равный с дисциплинами основных факультетов. Принятые университетом в

¹¹ Hammersrtein N. Epilogue... P. 633.

¹² Томазий (Thomasius) Кристиан (1655–1728) — немецкий юрист и философ-просветитель, сторонник школы естественного права, один из наиболее тонких критиков схоластики, конец которой он предсказывал. Преподавал в университетах Лейпцига и Галле, основал первый научный журнал на немецком языке.

¹³ Hammerstein N. Universitäten und gelehrte Institutionen von der aufklärung zum Neuhumanismus und Idealismus // Samuel Thomas Soemmering und die Gelehrten der Goethe-zeit. Soemmering Forschungen I. Stuttgart, N.-Y., 1985. S. 309–329.

¹⁴ Hammerstein, N. Zur Geschichte und Bedeutung der Universitäten im Heiligen Römischen reich Deutscher Nation. // Historische Zeitschrift. 1985, № 241. S. 287–328.

¹⁵ Алисон Г. Патент на любопытство (мифология западной университетской жизни) // Русский журнал. // <http://old.russ.ru/edu/99-05-11/alison.htm>

¹⁶ Hammersrtein N. Epilogue... P. 626.

результате реформ новые подходы и методы считались обязательными для всех учащихся, посещение выбранных курсов настоятельно рекомендовалось и стало общей практикой. Геттинген, самый модный и один из ведущих университетов Германии XVIII в., представлял собой яркий пример этого еще задолго до основания Берлинского университета¹⁷.

Новое научное знание в рамках университетов возглавила юриспруденция, методология которой была модернизирована в соответствии с просветительскими принципами. Все факультеты, включая богословский, и научные институты основывались на достижениях в области юриспруденции, благодаря чему в Священной Римской империи сформировался особый подход, позволивший сотрудничество всех факультетов и участие их в общей широкой дискуссии. Интересно отметить, что факультеты германских университетов, в отличие, допустим, от французских, были гораздо менее враждебно настроены по отношению к богословию, и теологи стали играть важную роль в общих дискуссиях. Просвещенные профессора, модернизовав свои дисциплины, внесли серьезный вклад в секуляризацию университетов, и именно за ними общественность признавала ведущую интеллектуальную роль.

Конечно, и в Священной Римской империи возникали различные «патриотические» и «этико-экономические» общества, «общества полезного знания», «академии» и тайные общества, типа масонского¹⁸. Однако они шли по пути, уже очерченном реформированными университетами, расходясь с ними лишь в некоторых взглядах. Региональная обособленность, долгое время бывшая неотъемлемой чертой Священной Римской империи, находилась в полной гармонии с космополитизмом Просвещения. Немецкий классицизм, немецкий идеализм и даже романтизм унаследовали этот идеал в гораздо большей мере, чем было характерно для интеллектуальной ситуации других европейских стран того времени.

При сложившихся обстоятельствах произошло также изменение традиционного образа ученого. Новый взгляд на научные и образовательные дисциплины, способ подхода к ним, акцент на полезные и практические аспекты предмета, признание интеллектуального достоинства философского факультета, отход богословского факультета на вторые роли, выдвинули на первый план концепцию науки как таковой. Поэтому идеал образованного человека больше не соответствовал идеалу энциклопедической эрудированности. Постепенно эрудированный ученый прежних лет начинает трансформироваться в ученого, вовлеченного в исследовательский процесс¹⁹.

С середины XVIII в. немецкая интеллигенция значительно выросла в количественном отношении. Кроме того, быстро росло число издаваемых книг, особенно произведений художественной литературы на родном языке, популярных наставлений и описаний путешествий. По всей Германии начали появляться читательские клубы; в стране с лавинообразной быстротой нарастало число газет, литературной периодики и рассчитанных на массового читателя журналов по истории и экономике; в этот период весомо заявляет о себе национальная литература.

Интересы новых читателей из среднего класса были мирскими, эстетическими, литературными и моралистическими, большинство было совершенно равнодушно к образованию и классическим знаниям как таковым. Существование этих читателей размыло границы ученого сословия, ввело в обиход новые, соперничавшие со старыми, интеллектуальные ценности и уничтожило остатки монополии ученого сословия на интеллектуальную жизнь. Прежний идеал «учености», который, начиная с 1760-х гг. все более ассоциировался с педантизмом, претенциозностью и энциклопедическими знаниями, нахватаемыми зубрежкой, сменился новым идеалом, в основе которого лежали остроумие, рассудительность, эстетическая перспектива и практический здравый смысл²⁰.

Ведущая в интеллектуальном плане роль принадлежала в Священной Римской империи университетам в немалой степени потому, что это было государство без столицы, не имевшее

¹⁷ Ibid, p. 629.

¹⁸ Ibid, p. 634.

¹⁹ Moraw P. Aspekte und Dimensionen älterer deutscher Universitätsgeschichte // Academia Gissensis. Beiträge zur älteren Giessener Universitätsgeschichte. Marburg, 1982. S. 1–44.

²⁰ Turner R.S. Historicism, Kritik, and the Prussian Professoriate... S. 455.

единого интеллектуального центра, который бы мог — через салоны, или академические сообщества или двор — предоставить образец для подражания²¹. Однако с 1760-х гг. существующая ситуация начинает все чаще подвергаться критике со стороны нового поколения молодых писателей, таких как Николаи, Мендельсон, Лессинг. Это поколение ничем не было обязано традиционной академической культуре, более того, соперничало с ней, а потому нередко предпринимало попытки высмеять притязания и ценности ученого сословия.

Особенно острая критика университетских профессоров выходила из-под пера Лессинга, с иронией отзывавшегося об их эрудиции и эстетических взглядах²². Николаи, акцентируя педантичный и претенциозный тон многих профессорских сочинений, язвительно замечал, что профессора «не верят в существование ученого мира за пределами университетов, а скорее считают, что знание встречается только там, где его преподают»²³. Гердер высмеивал «школьную образованность» и «кабинетную ученость», доминировавшие в научных трактатах, называл университеты «не более чем гильдиями», которые следует держать под жестким контролем, чтобы не допускать с их стороны злоупотреблений корпоративными привилегиями²⁴. И.Г. Кампе, рассматривая творчество видных личностей, работавших за пределами высшей школы и не связанных с ней, таких как Лейбниц, Реймарус, Вольтер, Лессинг, Мендельсон, Клопшток, пришел к выводу, что университеты не столько способствуют развитию великих умов, сколько задерживают его, поскольку эти заведения были обойдены Просвещением²⁵.

Критика классической науки также звучала в более сдержанных тонах и в работах самих ученых. Так, германские историки, осуждая труды по французской истории, в частности, вольтеровские, как поверхностные и дилетантские, в то же время признавали, что немецкие ученые «много пишут, но мало думают», похваляются своей эрудицией в бесконечных отступлениях и сочиняют так, как будто «компилируют тринадцатую книгу из двенадцати предыдущих на ту же тему»²⁶.

Под влиянием новых интеллектуальных течений Запада, социальным позициям ученого сословия, а вместе с тем и общественной легитимации классических знаний был брошен вызов. Представители немецкого Просвещения выразили массовый восторг по поводу теории воспитания и педагогических реформ, предпринимавшихся Песталоцци, Базедовом и филантропами, а также пиетистскими последователями Франке. Враждебность по отношению к классическому знанию проявилась более наглядно, когда они обратили свою критику против университетов. Реформаторы призывали к пересмотру университетских программ, предлагая сделать упор на изучение «современных» предметов — математики, естественных наук, немецкого и других современных языков, дисциплин, готовящих к определенной профессии, — уделив этим предметам больше места за счет латыни. К тому же, они требовали большей доступности образования для всех слоев общества, отказа от методов преподавания, основанных на пассивности студентов и механической зубрежке, оспаривали традиционную монополию латинского языка в программе и основанную на этой монополии классическую направленность образования. Например, Х.Г. Зальцман в своем романе «Карл фон Карлсберг» высмеивал схоластические споры, педантизм и догматизм университетского образования, и критиковал его основу — бессмысленное, пассивное усвоение мертвых языков, а И.Г. Кампе в 1792 г. вообще призвал к ликвидации университетов, которые считал педагогически несостоятельными и нравственно развращающими²⁷.

Во второй половине XVIII в. профессиональное образование, отвечавшее традиционным требованиям, уже не справлялось с задачей сохранения общественного признания; возникли

²¹ Hammersrtein N. Epilogue... P. 635.

²² Lessing G.E. Sämtliche Schriften. Leipzig, 1853–1857. Bd. 1. S. 257–346.

²³ Turner R.S. Historicism, Kritik, and the Prussian Professoriate... S. 455.

²⁴ Idem.

²⁵ Koch J. F. W. Die preußischen Universitäten: Eine Sammlung der Verordnungen, welche die Verfassung und Verwaltung dieser Anstalten betreffen. Berlin, 1939–1940. Bd. 2. S. 560–561.

²⁶ Turner R.S. Historicism, Kritik, and the Prussian Professoriate... S. 455.

²⁷ Salzmann C.G. Carl von Carlsberg oder über das menschliche Elend. Bd. 3. Karlsruhe, 1784. S. 78.

новые требования практической и методической компетентности специалистов. Начиная с 1780-х гг. предпринимаются первые серьезные попытки со стороны государства контролировать традиционное профессиональное образование с помощью установления определенных норм компетентности, контроля и повышения уровня квалификации преподавательского состава, введения системы экзаменов для подтверждения профессиональной пригодности, о чем свидетельствуют университетская реформа 1781 г. императора Иосифа II, реформа прусской медицинской обер-коллегии 1789 г., реформы высших учебных заведений Цедлица, открытие в 1779 г. педагогического семинара в Галле, создание в 1787 г. Коллегии высшей школы, введение в 1788 г. экзамена на аттестат зрелости, реформы С. фон Кокцея 1750-х гг. и другие²⁸. Система экзаменов повысила профессиональный уровень врачей, юристов, чиновников, открыла быстро разраставшиеся технические ведомства для талантливых людей недворянского происхождения.

К началу XIX в. количественно увеличившаяся и стремившаяся сделать карьеру интеллигенция стремилась пробиться в ряды чиновничества. Главным регулятором этого стремления стала система ученичества и испытаний, основанных на разного рода деловой компетентности. Это, в свою очередь, еще более усилило общественную значимость компетентности и подтвержденного экзаменами профессионализма.

Перечисленные факторы помогли покончить с замкнутостью и однородностью ученого сословия, а также способствовали дискредитации и ревизии интеллектуальных ценностей этого корпуса. К 1790-м годам классическая эрудиция уже не гарантировала положения «современного» интеллектуала; традиционные виды знаний переставали быть престижными и заменялись иными, на которые не простиралась монополия школ и университетов; многие молодые интеллектуалы перестали причислять себя к ученому сословию, и значительная часть из них искала себе профессионального применения за пределами церквей, судов, школ и университетов. К 1790-м годам ученое сословие превратилось в группу, утратившую если не свою функцию, то свою исключительность и замкнутость, а с ними — и свое общественное предназначение.

Впрочем, представители ученого сообщества весьма активно прореагировали на угрозу своего распада. В конце XVIII — начале XIX вв. немецкая классическая наука пережила ряд перемен институционального и интеллектуального характера, существенно изменивших лицо этой дисциплины. Приспосабливая свою деятельность к новым социальным условиям, ученые-классики пытались защитить университетский престиж и традиционные занятия, сохранить преимущества, которые им давала сословная культура. Одна из первых защитных реакций оказалась и самой успешной: это был неогуманизм — педагогическое движение конца XVIII в., стремившееся сохранить традиционную монополию классической науки в воспитании социальной элиты путем замены прежнего гуманистического интереса к стилю, беглости речи и подражанию новой литературной и эстетической программой образования.

В университетах конца XVIII в., как и прежде, общее пространство научного и образовательного знания делилось по факультетам, интеллектуальные дискуссии в рамках дисциплин усилили позиции философского факультета и его основополагающих дисциплин. Последние теперь приравнивались к дисциплинам ведущих факультетов; философский факультет претендовал — и крайне успешно — на обучение концептуальным и методологическим основам, необходимым для получения знаний на других факультетах. Усилившееся внимание к историческим и филологическим дисциплинам не препятствовало развитию дисциплин традиционного квадривиума и естественных наук²⁹.

Характерная для эпохи Просвещения тенденция предпочтения специализированных колледжей университетам в целом не получила поддержки в Германии, в первую очередь, со стороны местных властей, видевших средство решения проблемы в реорганизации университетов по образцу нового университета в Берлине. Конечно же, функционирование горной академии в Берлине, Терезианума, ветеринарной школы в Вене и института камералистики в

²⁸ Turner R.S. *Historicism, Kritik, and the Prussian Professoriate...* S. 456–458.

²⁹ Hammersrtein N. *Epilogue...* P. 634.

Мюнхене свидетельствуют о том, что поддержка университетов не была всеобщей и единодушной. Тем не менее, даже реформаторы Берлинского общества среды, увлеченные принципами Просвещения, по итогам дискуссий, проведенных в ходе 1795 г., объявили о своей оппозиционности «отменам или тотальной трансформации» университетов. Подразделение предметов, преподаваемых в рамках университетов, по факультетам, хотя и было старомодным и «монашеским», по всеобщему убеждению, считалось лучшим упорядочением дисциплин. Смысл имели только реформы, а не фундаментальные перемены³⁰.

Итак, на протяжении XVIII в. мы наблюдаем постепенное разрушение существующих идеалов образованности, что вынуждало измениться и институты, их воплощающие. В конце XVIII в. ученое сословие утратило свой общественный и интеллектуальный статус, но не свою функцию. Неогуманистические реформаторы поставили перед собой задачу восстановить его на более современной основе, что им вполне удалось. В результате многочисленных преобразований появился класс «образованной буржуазии», кардинально повлиявший на историю Германии в XIX–XX веках³¹. Но образованная буржуазия не была совершенно новым общественным слоем. В некотором смысле она представляла собой перешедшее в XIX в. прежнее ученое сословие, которому были приданы свежие силы и которое видоизменилось за счет нового социального мировоззрения и интеллектуального потенциала. Разумеется, эта группа отличалась от прежнего ученого сословия тем, что стала менее избранной, поскольку включила в себя множество носителей новых интеллектуальных профессий. Кроме того, у нее появились более четкие критерии образовательных требований к своим представителям, и, наконец, она стала гораздо более дифференцированной. И все же образованная буржуазия сохранила некоторые черты прежнего ученого сословия, а именно акцент на классическом образовании как элементе, объединяющем и гармонизирующем все прочие части профессиональной элиты, чувство избранности и превосходства по отношению к иным социальным группам, а также крайне сильное ощущение того, что она является единственным носителем немецкой культуры. Влияние ученых-классиков в соответствующий период было действительно преобладающим, и благодаря им можно в значительной мере проследить историю интеллигенции в Германии.

Summary

The article is devoted to evaluation of an image of a learned man within the Holy Roman Empire of German Nation in the 18th century and to the problem of university education connected with it. We can clearly see the change of value and validity of university education according to the new demands of society during the Enlightenment. Despite the serious problems universities had to face with they proved that they were appropriate sites for the sciences and for scholarship, for providing the intellectual foundation for the confidence of the modern state in its legitimacy and its capacities, and for the education and training needed by modern societies.

³⁰ Ibid. P. 635–636.

³¹ Ringer Fritz K. *The Decline of the German Mandarins // The German Academic Community, 1890–1933.* Cambridge, 1969. P. 1–127.